

ИВАНОВ-РАЗУМНИК

Роза и Крест

(Поэзия Александра Блока)

I

Прекрасная дама Изора, жена графа Арчимбаута, услышала как-то странную песню бродячего менестреля — и с этих пор душа ее отравлена. Она помнит только несколько строк, несколько слов:

Сердцу закон непреложный —
Радость-Страданье одно!

.....

Радость, о, Радость-Страданье —
Боль неизведанных ран...

Она видит во сне неведомого рыцаря, Странника, сложившего эту песню; он молод, прекрасен, и черная роза горит у него на груди. Вот Прекрасный Принц ее жизни! И в поиски за ним посылает она всеми унижаемого рыцаря Бертрана, для которого сама она — она это знает — недостижимое видение, Прекрасная Дама. После долгих поисков Бертран, Рыцарь-Несчастье, находит этого Странника, вдохновенного рыцаря-поэта, и приводит его на весеннее празднество в замок Арчимбаута. Но Странник этот — уже стар; не льянные кудри, а седые волосы рассыпаны по его плечам, не черная, цвета крови, роза на его груди, а знак креста. Утомленный дорогою, старик спит в розовой заросли под окном Изоры, — она не знает этого, но снова видит в лунном луче образ молодого Странника:

Странник! Где роза твоя?
На груди твоей крест горит!

.....

Возьми эту розу!
 Так черна моя кровь, как она!
 Не уходи! С ума сойду я!
 Ближе, ближе ко мне подойди!
 Дай страшный твой крест
 Черною розой закрыть!

И черная роза, брошенная Изорой, падает на спящего под окном Странника, — утром он находит черную розу на своей груди. Но зачем ему неведомая роза? Он охотно отдает ее рыцарю Бертрану, который знает, откуда эта роза, и благоговейно прячет под панцырь этот дар своей Прекрасной Дамы, — дар не ему, а другому... Это же утро — день весеннего праздника. Шуты, жонглеры, менестрели выступают один за другим, чтобы развеселить прекрасную Изору. Выступает и Странник, поет ту самую песню, которая отравила душу Изоры. Она лишается чувств — этот голос ей снился; но ведь перед ней старик, седые волосы блестят на солнце, крест на груди скрыт под одеждой менестреля. И уходит навсегда Странник, спев свою песню, а приведенная в чувство Изора уже навсегда забыла о Прекрасном Принце... Взор ее падает на молодого пажу Алискана — он давно любит ее; Прекрасный Принц ушел из ее жизни, и ночью в ее башню поднимется миловидный паж... Пусть он трус, пусть в тот же вечер он прячется от опасности, когда внезапное нападение врагов отбивает Бертран, защищая замок, защищая Изору; что до того! На башню Изоры ночью поднимется Алискан, а Бертран, «Рыцарь-Несчастье», будет по просьбе Изоры сторожить под окном башни... И он сторожит, он, раненный в битве мечом в грудь:

О, как рана сердце жжет!
 Прямо в розу на груди
 Тот удар меча пришелся...

Он, умирая, сторожит под окном своей Прекрасной Дамы. И он понимает теперь туманные для него раньше слова песни Странника, он, кому меч крестообразно пронзил грудь через черную розу Изоры:

Рана открылась,
 Силы слабеют мои...
 Роза, гори!
 Смерть, умудряешь ты сердце...
 Я понял, понял, Изора:
 Сердцу закон непреложный —
 Радость-Страданье одно...

Радость, о, Радость-Страданье,
 Боль неизведанных ран!..

И, верный рыцарь своей Прекрасной Дамы, он умирает под окном ее башни. Ему награда — несколько слезинок Изоры: «мне жаль его, он был все-таки верным слугой...»

Так заканчивается драма о Прекрасной Даме, о Прекрасном Принце, о черной розе Радости и светлом кресте Страдания. Это — драма Александра Блока «Роза и Крест».

II

Не правда ли, все насквозь проникнуто здесь «символизмом», тем самым символизмом, одним из представителей которого давно уже считается А. Блок, наиболее видный поэтический деятель «младшего поколения» русских символистов? — У меня свое особое мнение о «символизме» вообще и об его проявлениях в русской поэзии, но разговор об этом отложим до следующего раза; теперь остановлюсь только на поэзии А. Блока, на его (открою сразу карты) «псевдосимволизме», на его вечной жажде выхода из того заколдованного круга, который является уделом всякого *декадентства*, всякой отграниченности от мира и человека.

«Стихи о Прекрасной Даме» были первой книгой стихов А. Блока (1904 г.) и определили собою весь его поэтический путь. Источники этой поэзии — конечно, в культе «Вечной Женственности», в поэзии и философии Вл. Соловьева; но ведь всякая внешняя связь должна иметь и глубокие внутренние причины. «Вечная Женственность» для Вл. Соловьева была не тем, чем «Прекрасная Дама» явилась для А. Блока. Учитель был подлинным «символистом», подлинным мистиком, подлинным романтиком, и для него Вечная Женственность — глубокое мистическое построение, высшая религиозная реальность; ученик был подлинным представителем «декадентства», отграниченного и самозамкнутого, и для него Прекрасная Дама — только ирреальная мечта о недостижимом, только попытка спастись в символизме от вечного одиночества замкнутой в самой себе души.

Истоки поэзии А. Блока — в «декадентстве» девяностых годов. Об отграниченности, о заколдованном круге — его поэзия говорит сама за себя: но еще нагляднее подчеркивает эту сущность сам поэт в многочисленных своих критических статьях 1907—1909 гг. (в журнале «Золотое Руно»). Я не поклонник

этих статей: критика и публицистика — самая слабая сторона литературной деятельности А. Блока; но нельзя не отметить интересные самопризнания поэта в некоторых из этих статей о поэзии.

«...Обладатель всего богатства мира, но — нищий, ничем не прикрытый, не ведающий, где приклонить голову»: это — *лирический поэт* в понимании А. Блока. Лозунг этого поэта — «так я хочу». «Весь мир поэта лирического лежит в его способе восприятия. Это — заколдованный круг, магический. Лирик — заживо погребенный в богатой могиле...» Изумительные признания! И если мы вместо вообще «лирика» подставим сюда замкнутого и отграниченного от мира и людей «декадента», то пойдем, почему в тех же статьях А. Блок говорит о «ноте безумия», вытекающего из «паучьего затишья», пойдем, почему говорит он там о «диком вопле души одинокой...» Мы пойдем тогда странное признание поэта: «источником доброй половины моих тем служит *ненависть к лирике*, родной и близкой для меня стихии...»¹

Ну, еще бы! Если «лирика» (а я сказал бы — «декадентство») есть лишь богатая могила, то как же не ненавидеть ее поэту, заживо погребенному! Как же не ненавидеть паучье затишье своей замкнутой ограды, если сквозь нее может прорваться только «нота безумия» или «дикий вопль души одинокой»! И ведь это сам А. Блок говорит о себе (в драме «Король на площади») устами Поэта:

Знаю великую книгу о темной стране,
Где над морем стеклянным
Правит и судит тоска,
Не разбивая стекла...
Там — на поверхности гладкой стекла
Бродит печальный поэт,
В смертной тоске,
Путеводимый печальным и строгим
Вестником темной Судьбы,
Древним своим двойником...

Эта стеклянная пустыня — мир души одинокого поэта; и он осужден бродить по ней, «не разбивая стекла», — стекла между этой пустыней и всем миром, стекла между этой пустыней и душой человеческой. Правда, в этой пустыне, за этой оградой — кто помешает поэту «воздвигнуть все миры, которых пожелает закон его игры»? (слова Ф. Сологуба)². Никто не мешает; и все-таки все бесконечные миры являются только темницей для души одинокой. Так и А. Блок:

И я затянут
Лентой млечной!
Тобой обманут
О, вечность!
Подо мной растянут
В дали бесконечной
Твой узор, Бесконечность,
Темница мира!

(«В снегах»)

Еще в юношеских своих стихотворениях поэт готов был молиться «Неведомому Богу» (1899 г.)³, лишь бы Он извел из пустыни душу поэта; он готов был отдать жизнь тому, кто «бессчастному поэту откроет двери в новый храм, укажет путь из мрака к свету»; он готов был надеяться, что кто-то введет его в новую страну, и — «я вдаль взгляну и вскрикну: Бог! Конец пустыне!» Но освобождение и спасение от заколдованного круга никогда не приходят извне; они могут прийти только из глубин души человека, после тяжелого перелома «трагедии», после внутренней победы над обреченностью одиночества. И не случайно пишет А. Блок с холодом в душе стихи — «Обреченный», «Нет исхода».

Нет исхода из вьюг,
И погибнуть мне весело.
Завела в очарованный круг,
Серебром своих вьюг занавесила.
Тихо смотрит в меня
Темноокая.
И, колеблемый вьюгами Рока,
Я взываюсь, звеня,
Пропадаю в метелях...
И на снежных постелях
Спят цари и герои
Минувшего дня
В среброснежном покое, —
О, твои, Незнакомая, снежные жертвы!
И приветно глядят на меня! —
Восстань из мертвых!

Эта Незнакомая — все та же Прекрасная Дама первых стихов А. Блока. В ней надежда его на спасение, надежда — восстать из мертвых; в ней — потайное окно в мир из замкнутой ограда; в ней — попытка разбить стекло в пустыне одиночества; в ней — попытка уйти в «символизм» из очарованного круга декадентства. Было одинокое «я» поэта, и мы слышали «дикий вопль души одинокой»; бродя по стеклянной пустыне,

«в смертной тоске» призвал он призрак «Прекрасной Дамы», лишь бы извела она из пустыни душу его. Свое одиночество, свою отграниченность от души человеческой поэт надеялся победить культом Прекрасной Дамы — *влюбленностью*.

III

Александр Блок — «*поэт города*». Я не знаю, кто первый пустил в ход это уже затасканное теперь клише⁴, но знаю, что такое определение его поэзии верно только где-нибудь «в-деся-тых», на задворках истины. Сущность поэзии А. Блока определяется в главной своей половине совершенно другим словом: *влюбленность*.

Влюбленность — тема творчества А. Блока; и не случайно в одном из своих стихотворений он говорит, что «только влюбленный имеет право на звание человека»...⁵ И недаром посвящает он «Влюбленности» — и розам — целое стихотворение⁶: «и влюбленность звала... — Подними эту розу, шепнула... — В синем утреннем небе найдешь Купину расцветающих роз».

О Влюбленность! Ты строже Судьбы!
Повелительней древних законов отцов!
Слаще звука военной трубы!

Влюбленность — содержание поэзии А. Блока от первых его стихотворений и вплоть до драмы «Роза и Крест». Когда в драме этой граф спрашивает про песню менестреля: «о чем там поется?», а капеллан отвечает: «это известно заранее; о соловье и розе», — то невольно хочется отнести это место к поэзии А. Блока, невольно хочется определить его поэзию словами старого поэта: «пленный розой соловей»... И если роза есть символ влюбленности, то именно «розу» воспевают А. Блок в своих стихах...

Но он не хочет, чтобы это была «простая» роза, та роза, которую он дарит возлюбленной: «я послал тебе черную розу в бокале золотого, как небо, Аи»...⁷ Нет, его роза должна быть — *Lumen coeli Sancta Rosa*⁸, и любовь его должна быть любовью к Прекрасной Даме. Он не хочет, чтобы им владела «простая» любовь, та любовь, которая создает Прекрасную Даму из простой смертной; нет, его любовь — только к Прекрасной Даме, только к Незнакомке:

Все виденья так мгновенны, —
Буду ль верить им?

Но Владычицей вселенной,
Красоты неизреченной,
Я, случайный, бедный, тленный,
Может быть, любим...⁹

Но ведь Незнакомку эту никогда не суждено встретить по-эту — на то она и вечная Незнакомка. Его судьба — быть влюбленным во многих, ибо он не может найти Одну... Не кажется ли вам, что за этими словами скрывается какая-то очень знакомая, старая легенда, давно уже использованная литературой — и жизнью?..

Еще бы! Ведь это же вечная легенда о Дон-Жуане! И если меня постараются не истолковать слишком бульварно, то я именно и выражу свою мысль этим сравнением: Александр Блок, это — Дон-Жуан русской поэзии, тот Дон-Жуан, которого так хорошо задумал и так плохо выполнил в русской литературе Алексей Толстой (сил не хватило!)¹⁰. Ибо трагедия у них общая: искать Одну и находить многих... Ядовитые мысли Шопенгауэра о любви — не их воплотил А. Блок в своей поэзии?

Единая оказывается многоликой. Единая любовь к Прекрасной Даме распыляется на десятки «любвей». Влюбленность оказывается самообманом, бессильным спасти от одиночества стеклянной пустыни; в этой вечной влюбленности и в бессилии найти единую любовь — вся трагедия поэзии А. Блока, бессильного выйти за пределы своей ограды¹¹.

В драме А. Блока «Незнакомка» полупьяный Поэт говорит о вечной своей влюбленности: «видеть много женских лиц. Сотни глаз, больших и глубоких, синих, темных, светлых. Узких, как глаза рыси. Открытых широко, младенчески. Любить их. Желать их... И среди этого огня взоров, среди вихря взоров, возникнет внезапно, как бы расцветет под голубым снегом — одно лицо: единственно прекрасный лик Незнакомки»...¹² Да, иногда можно и в проститутке узреть черты Прекрасной Дамы; но быть в любви многоликим — не значит ли, наоборот, Прекрасную Даму обращать в проститутку?

Прежде поэт мечтал о любви непреходимой, о вечной верности Даме, о своем спасении от одиночества. И что же?

Вновь оснеженные колонны,
Елагин мост и два огня.
И голос женщины влюбленный.
И хруст песка, и храп коня.
Две тени, слитых в поцелуе,
Летят у полости саней.
Но не таясь и не ревнуя,
Я с этой новой — с пленной — с ней.

Да, есть печальная улада
 В том, что любовь пройдет, как снег.
 О, разве, разве клясться надо
 В старинной верности навек?
 Нет, я не первую ласкаю,
 И в строгой четкости моей
 Уже в покорность не играю
 И царств не требую у ней...

(«На островах»)

Какие же царства можно требовать у ней — у Пленной? Вот новое имя Незнакомки, Прекрасной Дамы: Пленная. Она сама в плену, и ничем не может она помочь поэту. На эту тему написана А. Блоком ядовитая «лирическая драма» — «Балаганчик». Прекрасная Дама, Коломбина, оказывается для бедняги поэта Пьеро только «картонной невестой». Пусть это Арлекин отвел ему глаза — что до того? Пусть автор торопливо и не совсем любезно по отношению к самому себе подчеркивает, что Коломбина — воистину Прекрасная Дама, «которую только больное и дурацкое воображение Пьеро превратило в картонную невесту», — разве от этого Пьеро легче? Он хотел спастись Прекрасной Дамой — и остался с картонной невестой:

Упала она, — из картона была, —
 А я над ней смеяться пришел.
 Она лежала ничком и бела.
 Ах, наша пляска была весела!
 А встать она уж никак не могла:
 Она картонной невестой была.
 И вот, стою я, бледен лицом,
 Но вам надо мной смеяться грешно.
 Что делать? Она упала ничком...
 Мне очень грустно. А вам смешно?¹³

Так «Балаганчиком» кончается, независимо от воли поэта, цикл его стихов о Прекрасной Даме. А ведь по толкованию (слишком рационалистическому) самого поэта, Прекрасная Дама есть лишь «жизнь, прекрасная, свободная и светлая, которая одна лишь может свалить с слабых плеч непосильное бремя *лирических* сомнений»...¹⁴ Мы уже знаем, что значит в устах А. Блока слово «лирический», — мы уже слышали от него о «ноте безумия», о заживо погребенном в богатой могиле, о «диком вопле души одинокой»... Но мы видели также и то, как освободительница Прекрасная Дама обратилась в Пленную, обратилась в «картонную невесту». Влюбленность — не тот путь, на котором можно спастись от одиночества, от безумия, от погреб-

бения заживо; преодолеть свое «декадентство» влюбленностью — безнадежная попытка поэзии А. Блока. Отсюда его незавершенная трагедия, его отчаяние, его безнадежность, его мольба: — «о, исторгни ржавую душу!»¹⁵ Здесь кончаются розы «влюбленности», здесь начинается крест страдания. И на границах отчаяния — Прекрасная Дама снова является, как освободительница, на этот раз уже как освободительница Смерть...

«Для смерти лишь открою потайное окно»...¹⁶ Это слова Ф. Сологуба, и надо ли напоминать о том, как часто у него Смерть является Прекрасной Дамой? А. Блок часто подходит к этому же пределу (стихотворения «Второе крещение», «Обреченный» и др.) — и в «Балаганчике» Коломбина недаром является сразу под видом и Прекрасной Дамы, и Смерти. Но ведь это не победа, а поражение. Стремиться преодолеть свою ограниченность, свое одиночество, идти для этого путем «влюбленности», усыпанным розами, и подойти ко кресту, к смерти — не значит ли это быть побежденным жизнью?

IV

В этом поражении, в этом бессилии спастись из стеклянной пустыни — крест творчества А. Блока. Он страдает — и никто не в силах ему помочь; он ищет исхода из пустыни — и никто не может протянуть ему руки. Ибо исходы такие не совершаются силами извне: их совершает только «воля к жизни» самого человека.

Воля эта — в действенной любви к человеку: только этим побеждается одиночество всяческого «декадентства», только этим пробивается ограда отграниченного «я». Но легко сказать — действенная любовь! А что, если нет ее, если источник ее закрыт в душе человека? На нет и суда нет. И снова мечется тогда одинокий человек, снова ищет иного исхода из пустыни (ведь смерть — это слишком окончательный исход!), и снова не находит ничего.

Русские декаденты повторили историю того знаменитого Грибуйя, который бросился в воду, чтобы избежать дождя: чтобы спастись от «декадентства», они бросились в «символизм»... Это — длинная история, я отложу ее до следующего раза; теперь только об Александре Блоке и об его попытках спастись из стеклянной пустыни. Одно время ему казалось, что он нашел «Нечаянную Радость» (заглавие второго сборника его стихов, 1908 г.), — что он нашел свое воскресение в любви к России...

Тут была им написана «символическая» драма «Песня Судьбы»¹⁷, которую я лучше пройду молчанием: до такой степени это невыносимое произведение. В полном соответствии с этой символической драмой находится написанная им тогда же публицистическая статья об интеллигенции и народе¹⁸ — о ней тоже лучше умолчать. Цикл стихов «Родина» должен знаменовать собою разрыв поэта с «декадентством»; должен — но почему? Характерна здесь одна мелочь — к серии стихотворений «На поле Куликовом» поэт делает следующее примечание: «Куликовская битва принадлежит, по убеждению автора, к символическим событиям русской истории. Таким событиям суждено возвращение. Разгадка их еще впереди»... Неужели же поэт не чувствовал, что раз в самом произведении не удалось ему выявить этого «символического смысла» события, то уже вполне бесплодно помещать в примечаниях это указующее — се лев, а не собака? Но таков вообще «символизм» поэзии А. Блока. И незачем удивляться, что его исход из пустыни одиночества на поля родины снова кончился душевным одиночеством:

Лишь на миг в воздушном мире
Оглянусь, взгляну,
Как земля в зеленом пире
Празднует весну, —
И пойду путем-дорогой,
Тягостным путем —
Жить с моей душой убогой
Нищим бедняком...¹⁹

Нечаянная радость обманула. И спасение в «символизме» оказалось мифом, ибо слишком неизбежна под символизмом поэзии А. Блока подпись: се лев, а не собака. Повторяю, разговор о «декадентстве» и «символизме» — разговор длинный, особый; здесь достаточно будет подчеркнуть основное положение: истинный символизм мистичен по своей сущности. И в этом отношении он повторяет историю своего предка начала XIX века — романтизма.

Интересно послушать отзыв самого А. Блока о романтизме. А. Блок рассказывает нам о паже, который вечно ищет свою Госпожу и не находит ее: «весь романтизм в этом», — прибавляет поэт (статья «Девушка розовой калитки и муравьиный царь»). Вместо Госпожи паж находит милую девицу с льняными волосами, с розовыми щеками, целует ее, счастлив, и... — весь реализм в этом... Найти — это реализм, пусть так; но искать и не находить — неужели этого достаточно для подлинного романтизма?

Нет, романтика, как и символизм, — в другом измерении. Бессильные порывания и грустные ламентации — это, например, поэзия Жуковского, и недаром разглядели очень скоро весь «псевдоромантизм» его поэзии. И недаром «влюбленность» была тоже одним из главных мотивов поэзии Жуковского. А. Блок — поистине Жуковский минувшего символизма. Далекий от мистических переживаний, замкнутый в круге одинокого «я», он, несомненно, будет служить впоследствии примером «псевдосимволизма» начала XX века. Но не этим неудачным его попыткам «символизма» пробить окно в ограде, отделяющей его от мира и от человека.

«Символизм» его забудется, а поэтом влюбленности и поэтом страдания, поэтом розы и креста, он останется навсегда. От узкого декадентского эстетизма он всегда был далек, он весь всегда был в страдании — и этим лирика его близка и дорога всем, созвучно чувствующим. Роза и крест покрывают друг друга в его творчестве, определяют собою его поэзию, которой пока нет исхода. Нет — и, вероятно, не будет. Вечное одиночество в страдании, в душевной пустыне — его удел, и сам он хорошо его знает. Вот одно из лучших его стихотворений:

Когда в листве сырой и ржавой
Рябины заалеет гроздь, —
Когда палач рукой костлявой
Вобьет в ладонь последний гвоздь, —
Когда над рябью рек свинцовой,
В сырой и серой высоте,
Пред ликом родины суровой
Я закачаюсь на кресте, —
Тогда — просторно и далеко
Смотрю сквозь кровь предсмертных слез
И вижу: по реке широкой
Ко мне плывет в челне Христос.
В глазах — такие же надежды,
И то же рубище на нем.
И жалко смотрит из одежды
Ладонь, пробитая гвоздем.
Христос! Родной простор печален.
Изнемогаю на кресте.
И челн твой будет ли причален
К моей распятой высоте?

Это вопрос всего творчества А. Блока; но не в родных просторах, а в стеклянной пустыне стоит его крест, увитый розами. Каждый из нас распинается жизнью для того, чтобы воскреснуть душой: в этом сущность «трагедии». Но не каждого траге-

дия эта приводит к действенной любви, в которой одной лишь спасение от мирового «декадентства», от заколдованного круга одиночества. Бездарные попытки розой и крестом разорвать заколдованный круг — в этом вся история творчества А. Блока.

А что же драма «Роза и Крест»? Я думаю, что мне теперь можно и не возвращаться к ней: слишком ясно ее отношение ко всей поэзии А. Блока после того, что сказано выше. Прекрасный Принц, Прекрасная Дама; вечно искать — и не находить; «сердцу закон непреложный — Радость-Страданье одно»; черная роза Радости и светлый крест Страдания... Здесь — сведение в одну точку всего бывшего творчества А. Блока, здесь — завершение всей его поэзии в одном ценном произведении, в «псевдосимволической» драме. И заглавие этой драмы — лучшее подведение итога всего его творчества, всей его поэзии. Ибо роза и крест — это драма жизни самого Александра Блока.

